

Введение

В начале 2000 года телеканал «Культура», весьма уважаемый многими за хорошие передачи и отсутствие рекламы, предложил мне участвовать в проекте «Дворцовые тайны» в роли автора и ведущего этой передачи. Подумав немного, я согласился и со временем даже примирился с названием передачи. Как известно, если в заголовке не будет слов «тайна» или «расследование», то многие люди и смотреть не станут. Дирекцией мне была предоставлена полная свобода творчества, которой я и воспользовался, рассказывая с экрана современным людям о людях XVIII века. Мне повезло, что режиссером моих передач была талантливая и оригинальная женщина Татьяна Львовна Мальшева и что почти все съемки проходили в Петергофе, доньше процветающем под благотворной властью несравненного директора Вадима Валентиновича Знаменова. Постепенно преодолевая скованность и страх, я все больше и больше увлекался передачами. Письма же, которые присылали мне зрители со всех концов страны, говорили, что эти передачи люди смотрят, и это воодушевляло — оказывается, слова о любимом мною XVIII веке не пропадают в пустоте и кого-то трогают.

Сам я — профессиональный историк, специалист по русской истории XVIII века, написал несколько научных монографий и много популярных книг и статей, предназначенных для замечательного российского «широкого» читателя — умного, образованного, интересующегося всем на свете. Дело в том, что с годами я понял: интерес к прошлому неистребим в каждом человеке, чем бы он ни занимался. Наверное, этот интерес вызывается течением самой жизни. Рано или поздно человек, понимая тщету или, наоборот, ценность своей (уникальной для него) жизни, невольно ставит ее в некий ряд, цепочку подобных человеческих жизней, большинство из которых уже когда-то оборвались. И тогда человеку остро хочется «вскочить в машину времени», на минутку «заглянуть в прошлое», понять, как жили они, люди прошлого,

в другом (и в то же время похожем на наш) мире, что они чувствовали, как относились друг к другу. Тут-то и возникает потребность в слове историка, которому можно довериться, зная, что он не будет врать, исходя из политических соображений или ради красного словца.

Но зачастую, взяв на первый взгляд «аппетитную» историческую книгу и удобно устроившись с ней на диване, читатель быстро остывает к ней — так порой скучно, занудно, наукообразно и бедно бывает слово профессионального историка. А порой со страниц книги, написанной неисториком, «вылезает» столько невежества, авторского самомнения, поучений или, еще хуже, пренебрежения к людям прошлого. Ну как же, ведь они не знали, что такое самолет, лазерное оружие, не держали в руках «мобилу», и уже только потому, что жили в «несовершенном» прошлом, они кажутся глупее его самого!

Больше всего я боюсь именно таких впечатлений от своей книги, поэтому изо всех сил стремлюсь не разрушить зыбкого следа, оставшегося от прошлого, стараюсь передать все его своеобразие и — в то же время — отразить свои ощущения от соприкосновения с ушедшими человеческими жизнями. Я убежден, что как бы мы ни вооружались всевозможной техникой, большинство из нас никогда не будет умнее Вольтера или Ньютона, талантливее Моцарта или Ломоносова. Словом, к людям прошлого нужно относиться с уважением — ведь они уже не могут ответить на наши порой вздорные претензии, они навсегда замолчали, как замолчим и мы, также став беззащитными перед суждениями потомков.

С такими мыслями я вел передачи этого цикла, а потом писал эту книгу. Каждая главка — новелла об одном из героев русского XVIII века. Вместе они представляют собой полсотни звеньев единой цепи человеческих жизней, которая тянется во времени из одной бесконечности в другую...

Е. В. Анисимов
Санкт-Петербург, февраль 2005 г.

Неумолимый рок и нелюбимый сын: царевич Алексей Петрович

Единокровные враги

Один из сподвижников Петра Великого гвардейский офицер Александр Румянцев описывал в письме к приятелю, как поздней ночью 26 июня 1718 года Петр I вызвал его к себе в Летний дворец. Войдя в царские апартаменты, Румянцев увидел такую сцену: возле сидевшего в кресле государя стояли глава Синода архиепископ Феодосий, начальник Тайной канцелярии (политической полиции того времени) граф Петр Толстой, его заместитель майор гвардии Андрей Ушаков, а также супруга Петра, Екатерина Алексеевна. Все они успокаивали плачущего царя. Обливаясь слезами, Петр приказал Румянцеву и трем другим офицерам тайно умертвить своего старшего сына, царевича Алексея Петровича, заключенного в Трубецком бастионе Петропавловской крепости. Это был финал подлинно шекспировской драмы, развернувшейся на глазах всех российских подданных...

Будущий конфликт отца и сына, их отчужденность, переросшая затем во вражду, были предопределены изначально тем положением, в котором оказался наследник российского престола. Царевич Алексей — сын Петра от первой жены Евдокии Лопухиной — родился 18 февраля 1690 года. Мальчику было всего восемь лет, когда у него отняли мать. Царь приказал сослать ее в монастырь и насильно постричь в монахини. Алексей сильно переживал разлуку с матерью, но отец запрещал ему видеться с бывшей царицей — старицей Еленой суздальского Покровского монастыря, и, узнав однажды, что царевич, уже семнадцатилетний, тайком ездил в Суздаль на свидание с матерью, был вне себя от гнева.

Петр не любил старшего сына, как живое и неприятное напоминание о неудачном первом браке. Он назначил Алексею содер-

жание, определил учителей и воспитателей, утвердил программу образования и, занятый тысячами срочных дел, успокоился, полагая, что наследник на верном пути, а если что — страх наказания поправит дело. Но Алексей, оторванный от матери, отданный в чужие руки, сирота при живых родителях, терзаемый болью и обидой за мать, конечно, не мог стать отцу близким человеком. Позже, на допросах под пытками, он показал: «...Не токмо дела воинския и прочия от отца моего дела, но и самая особа зело мне омерзла...» Тем более не возникло близости между отцом и сыном позже, когда у царя появилась новая жена Екатерина Алексеевна, которой не нужен был пасынок. В сохранившейся до наших дней переписке Петра и Екатерины царевич Алексей упоминается два-три раза, и ни в одном из писем ему нет даже привета. Письма же отца к сыну холодны, кратки и бесстрастны — ни слова одобрения, поддержки или ласки. Как бы ни поступал царевич, отец им был вечно недоволен. Во всей этой трагедии виноват был только царь. Когда-то он отмахнулся от мальчика, отдав его на воспитание другим, чужим и мелким людям, и уже через десять лет получил за своей спиной врага, не принимавшего ничего из того, что делал и за что боролся его отец.

Царевич вовсе не был слабым и трусливым истериком, каким порой его изображают. Ведь до сих пор Алексея представляют в образе, который талантливо, но предвзято создал Николай Черкасов в довоенном фильме «Петр Первый». На самом же деле Алексей Петрович — сын своего великого отца — унаследовал от него волю, упрямство. Забегая вперед, отмечу, что наследник не организовывал никакого заговора против отца, как пытались потом представить дело Петр и государственная пропаганда. Его сопротивление отцу было пассивным, никогда не вырывалось наружу, пряталось за демонстративным послушанием и формальным почитанием отца и государя. Но все же царевич с нетерпением ждал своего часа, который должен был наступить со смертью отца. Он верил в свою звезду, твердо знал: за ним, единственным и законным наследником, — будущее, и нужно лишь, сжав зубы, дожждаться часа своего торжества. Царевич не чувствовал себя и одиноким: за его спиной стояли верные люди из ближнего окружения, на его стороне были симпатии знати, раздраженной господством «выскачек» вроде Меншикова.

Когда дети — счастье одних и горе других

В октябре 1715 года узел этой трагедии затянулся еще туже. К этому времени Алексей по воле Петра был уже давно женат на вольфенбюттельской кронпринцессе Шарлотте Софии, и 12 октября у нее родился сын, названный в честь деда Петром. После родов Шарлотта умерла. Буквально через две недели жена Петра Великого, царица Екатерина также родила долгожданного мальчика, которого тоже назвали Петром. Он рос здоровым и живым малышом. «Шишечка», «Потрошенок» (то есть плоть от плоти) — так называли сына Петр и Екатерина в своих письмах. Как юные родители-молодожены восхищаются своим первенцем, так уже немолодая царская чета с восторгом встречала первые шаги своего сынка. «Прошу у Вас, батюшка мой, защиты, — шутит в письме Екатерина, — так как он немалую ссору имеет со мной из-за Вас: когда я про Вас помяну ему, что папа уехал, то не любит такой речи что уехал, но более любит и радуется, когда скажешь, что здесь папа.» В другом письме: «Дорогой наш Шишечка часто своего дражайшего папу упоминает и при помощи Бога в своем возрасте совершенствуется».

Царь и царица мечтали о счастливом будущем своего сына, с Шишечкой были связаны все их надежды, они называли его «Санкт-Петербургским хозяином». При этом счастливые родители как бы забывали, что тут же, в столице, живет царевич Алексей — законный будущий хозяин России, у которого также есть свой наследник — ровесник Шишечки, великий князь Петр Алексеевич. Нет! Царь не забывал об этом ни на минуту. Не в его стиле было уходить от проблем, особенно когда шла речь о судьбе России. По его письмам к Алексею мы видим, что после рождения Шишечки претензии царя к старшему сыну становятся все серьезнее, обвинения все суровее. Петр требует от Алексея стать ему верным, усердным помощником в многотрудных делах, вообще сделаться другим — «отменить свой нрав». Иначе, угрожает царь, «тебя наследства лишу, [отсеку] яко уд гангранный, и не мни себе... что я сие только в острастку пишу: воистину... исполню, ибо за мое Отечество и людей живота своего не жалел и не жалею, то како могу тебя, непотребного, пожалеть?»

Приглашение на казнь

Эта угроза выдавала истинные, зловещие намерения Петра: лишить Алексея наследства, завещать престол младшему сыну, любимому Шишечке. Но старший брат ни в коем случае не должен быть ему соперником. Царь требует, чтобы Алексей безусловно отрекся от прав на престол. Царевич выражает на это свое полное согласие. Но Петру этого мало. Он требует, чтобы Алексей ушел в монастырь. И на это соглашается царевич. Но нет покоя царю: он опасается, что акт об отречении сына после его, Петра, смерти окажется просто ничего не значащей бумажкой. Монастырь — не могила, из него и выйти можно, и сесть на престол. Словом, пока жив Алексей, он опасен для детей Петра и Екатерины.

Уехав из Петербурга в Копенгаген по делам войны, царь в августе 1716 года письмом вызвал Алексея к себе, причем потребовал, чтобы тот детально указал маршрут и время прибытия в каждый из городов на своем пути, с тем чтобы контролировать передвижение сына. Алексея это насторожило — от отца он мог ожидать всего чего угодно. Царевич собрался в дорогу, но его терзал страх: либо ему устроят покушение по дороге, либо при встрече отец обрушит на него свой неистовый гнев. На пути к отцу, в Польше, Алексей неожиданно изменил маршрут и бежал во владения Австрии, где надеялся найти прибежище. Ведь сестра покойной жены царевича была супругой австрийского императора. Несомненно, поступок этот — акт отчаяния, попытка разорвать смыкавшееся вокруг него кольцо, спастись от неминуемой гибели. Но побег за границу в те времена — это страшное для российского подданного преступление, которое расценивалось однозначно как государственная измена. Бегство это породило в душе Алексея страшные душевные муки. Он потерял покой и не мог найти себе места, чувствуя свою вину перед отцом и Россией.

Ужасная жертва

Узнав о бегстве сына, Петр был вне себя от ярости. На розыски царевича он послал П. А. Толстого, дав ему строжайший приказ: во что бы то ни стало доставить Алексея в Россию. Толстой

вместе с А. И. Румянцевым долго прочесывал владения австрийского императора, пока наконец не обнаружил беглеца в Италии, под Неаполем. Настигнув царевича, Толстой ловко воспользовался угрызениями совести, которые терзали беглеца. Умело разжигая в Алексее чувство вины, обещая ему — от имени царя — безусловное прощение в случае явки с повинной, Толстой сумел выманить его в Россию.

Вот уж кто оказался предателем, так это любовница царевича Ефросинья, простая крепостная девушка, которую Алексей полюбил и увез с собой за границу. Она помогла Толстому сломить волю царевича, усыпить его страх и заманить в западню. В материалах Тайной канцелярии сохранилась краткая запись, сделанная уже потом, несколько лет спустя после гибели царевича: Ефросинья получила на свадьбу с неизвестным нам человеком две тысячи рублей из денег покойного царевича. По тем временам это была огромная сумма денег, и это, без сомнения, были иудины сребреники.

Вернувшегося домой царевича ждало не прощение царя, а его гнев. Алексея подвергли допросам, очным ставкам, пыткам, причем сам отец сидел за столом следователя в пыточной палате. Он наблюдал, как его родного сына заплечные мастера подвешивают на дыбу, бьют кнутом, рвут у него ногти. Летом 1718 года состоялся назначенный государем суд. Все сподвижники Петра, составившие судилище, один за другим, вынесли приговор: «Виновен, достоин смертной казни». А потом наступил момент, когда нужно было привести приговор в исполнение. И опять позвали Толстого и Румянцева.

Нам неизвестно, о чем думала и что говорила мужу в этот страшный час Екатерина. Конечно, она, его «друг сердешненькой», была рядом, чтобы облегчить тяжкий удел царю, приносившему ужасную жертву на алтарь отечества — своего сына, врага внутреннего. Но не забудем, что в этот поздний час неподалеку от комнаты, где собрались палачи, мирно спал Шишечка. Так сложились обстоятельства, так требовал сюжет этой драмы, что кровь Алексея была нужна ей, матери «Санкт-Петербургского хозяина». Кроме того, царица в тот момент была на сносях, и супруги, вероятно, думали, что вскоре родится еще один сын. Но тогда, в августе 1718 года, родилась дочь Наталья.

Негасимая свеча

Казнь-убийство была совершена, как и приказал государь, ночью, в полутьме. По описанию Румянцева, Алексей не хотел умирать, он вырывался из рук палачей, но они гуртом навалились на него и придавили подушкой. Ослабленный пытками царевич бился недолго, а потом затих. Прибрав комнату и положив тело так, будто царевич безмятежно спит, убийцы исчезли во тьме. Впрочем, есть и другая версия казни — царевича отравили. Все равно, вероятно, было так же мерзко — одни держали царского сына, другие вливали яд сквозь стиснутые зубы.

Как бы то ни было, наутро Петр и Екатерина вздохнули свободно: проблема престолонаследия решилась. Царевич Петр Петрович стал полноправным и единственным наследником престола. Он подрастал, умиляя родителей. Но предсмертные крики Алексея, бившегося в руках тайных ночных палачей, повисли проклятием над царским домом. В апреле 1719 года супруги были потрясены страшным несчастьем: их радость, их надежда, милый Шишечка, проболев (возможно, гриппом) несколько дней, умер. Он не прожил и трех с половиной лет. Фундамент благополучия царской семьи дал глубокую трещину. Горе Екатерины было безмерно. Когда она сама восемь лет спустя умерла, то в ее вещах были найдены игрушки — не умершей позже дочери Натальи или других рано скончавшихся детей, а Шишечки, «Санкт-Петербургского хозяина». Канцелярский реестр трогателен: «Крестик золотой, пряжечки серебряные, свистулька с колокольчиками, рыбка стеклянная, готоваленка яшмовая, фузейка (ружье. — Е. А.), шпажка, эфес золотой, хлыстик черепаховый, тросточка». Так и видишь безутешную мать, перебирающую эти дорогие ей миниатюрные вещицы.

На панихиде по Петру Петровичу в Троицкой церкви Петербурга 26 апреля 1719 года произошло зловещее событие. Один из присутствующих — Степан Лопухин, родственник опальной царицы Евдокии и, следовательно, царевича Алексея — что-то сказал соседям и кощунственно рассмеялся. Потом на допросе в Тайной канцелярии свидетели показали, что Лопухин сказал: «Еще его, Степана, свеча не угасла, будет у него будущее!» На пытке Лопухин повинился, что под горящей свечой он имел в виду великого

князя Петра Алексеевича, сына покойного царевича Алексея. И это была правда: огонь жизни угас в любимом сыне царя, но он же разгорался в его внуке, ровеснике покойного. Семя сына-врага произросло. Круглый сирота, обделенный вниманием деда, не согретый ничьей любовью, Петр Алексеевич подрастал, как подорожник у тропы, и этому радовались все, кто с нетерпением ждал конца царя-реформатора: и Лопухины, и многие другие его враги. Петр и Екатерина ничего не могли противопоставить жестокой судьбе.

Умирая в январе 1725 года, Петр не назвал имени своего преемника, имя внука тоже упомянуто не было. Царь повторял тем, кто подходил к его смертному ложе, только одно: «После! После!» Он надеялся, что жизнь еще не кончена, что он выкарабкается и на этот раз — ведь ему было всего пятьдесят два года. Но «после» для Петра Великого не наступило. Его ждала смерть, а Россию — эпоха дворцовых переворотов.

